

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА: АНАЛИЗ СООТНОШЕНИЯ

ШИРАЗ МАРТИРОСЯН

Исследование основных характеристик соотношения экономики и политики несомненно является одной из важнейших и актуальных теоретических задач марксистско-ленинской философии. Решение этой задачи, как представляется, дает возможность конкретно раскрыть во взаимосвязи ряд фундаментальных научных, практических и идеологических вопросов социальной действительности и, главным образом, осмыслить эти вопросы в свете необходимости совершенствования социализма. «Именно та конкретная экономическая и политическая обстановка, в которой мы находимся, именно та особая *полоса* исторического процесса, через которую проходят советское общество и весь мир,—подчеркнуто в Политическом докладе XXVII съезду КПСС,—требуют от партии, от каждого коммуниста творчества, новаторства, умения выйти за рамки привычных, но уже отживших представлений»¹. Общую эвристическую задачу можно сформулировать как попытку теоретического осмысления диалектического единства двух сторон соотношения: определяющей роли экономики в отношении политики и первенства политики над экономикой, и, тем самым, выработки наиболее емкого аспекта философского и социально-политического (социологического) анализа проблемы.

Согласно материалистическому пониманию истории, «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще»². Этот тезис заключает в себе суть философского подхода к рассмотрению соотношения экономики и политики: политика определяется экономическими интересами, экономической структурой общества. Именно философский подход раскрывает соотношение экономики и политики в связи с диалектикой объекта и субъекта, общественного бытия и общественного сознания на ее основе. Здесь же ставится вопрос о первичности материи и бытия и вторичности идеального и сознательного. В тезисе об определяющей роли экономики в отношении политики наиболее конкретно отражена первичность общественного бытия в отношении общественного сознания. На философском уровне соотношение экономики и политики дано в рамках гносеологии и в гносеологическом смысле. Существенным дополнением к сказанному служит и ссылка на саму целевую установку, характеризующую материалистическое понимание истории—а именно, отрицание её ненаучного идеалистического понимания. Но это вовсе не означает, что фундаментальный принцип исторического материализма действен и применим лишь на уровне философского анализа соотношения политики и экономики и не может непосредственно служить основой социологического анализа. В трудах К. Маркса дается глубокое исследование соотношения экономики и политики как в философском, так и в социологическом

¹ «Материалы XXVII съезда КПСС», М., 1986, с. 5.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, с. 7.

плане. Вершиной марксова анализа единства философско-социологического понимания соотношения экономики и политики является мысль, сформулированная на основе обобщения опыта Парижской Коммуны. Коммуна, согласно К. Марксу, «была открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда»³. Вот почему правомерно говорить и об ином подходе к анализу соотношения экономики и политики. Это—подход социально-политический или социологический. Если при философском подходе речь идет о теории высшей абстракции, то при социально-политическом подходе мы имеем дело с теорией среднего уровня. Дело в том, что на этом уровне действие общесоциологических законов приобретает определенную специфику, которая в данном вопросе в литературе еще не полностью уяснена и раскрытию которой в существенной степени посвящен теоретический поиск в настоящем исследовании. Ориентиром здесь служит ленинское положение о первенстве политики над экономикой⁴. Правомерность этого положения сугубо обусловлена особенностью социального развития, которая в плане соотношения политики и экономики причинно связана с такими важнейшими социальными явлениями, как классовая борьба и государственная власть. Первый в историческом плане, второй—в актуальном привносят в систему соотношения экономики и политики момент первенства политики над экономикой. Категории классовой борьбы и государственной власти не фигурируют при философском анализе соотношения политики и экономики. И только на социологическом уровне они фигурируют в качестве тех основных категорий, без которых невозможно раскрытие данного соотношения. Существование классовой борьбы и государственной власти обуславливает специфичность социального развития в свете поставленного в нашем исследовании вопроса. Именно сущностные цели классовой борьбы и государственной власти (победа диктатуры пролетариата, упрочение и развитие политической власти) выдвигают на первый план положение о первенстве политики над экономикой не в том смысле, что экономика перестает определять политику, а в том, что во взаимодействии экономических и политических интересов первенство объективно принадлежит политике. В ленинском положении о первенстве политики над экономикой никоим образом не ставится цель выяснения первичности экономики и вторичности политики. Здесь совершенно другая целевая установка—оценка роли политического и экономического подходов с точки зрения коренных интересов классовой борьбы и государственной власти. Более конкретно, в данном случае вопрос сводится к подчеркиванию решающего значения именно политического подхода к социальным явлениям. Иными словами, к вопросу о соотношении политики и экономики следует подходить не с философской, а с социологической точки зрения. Характерен и другой момент. На философском уровне анализа соотношения политики и экономики речь идет об *определяющей роли*, первичности экономики в отношении политики, а на социально-политическом уровне—о *первенстве* политики над экономикой. То есть, при социологическом анализе вопрос не ставится в плане определения генезиса политики, а ставится именно в плане функциональном, как реальное первенство одного над другим. Это значит, что вопрос об определяющей роли экономики в отношении политики сохраняется, но совершенно объективно возникает и другой момент—

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 17, с. 346.

⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 42, с. 278.

учет потребностей политического характера, отражением и фиксацией которого является ленинское положение о первенстве политики над экономикой.

Итак, первый же вопрос, который возникает в связи с формулировкой ленинского положения о первенстве политики над экономикой—это вопрос обоснования непротиворечия этого положения материалистическому пониманию истории. Такое обоснование вызывает, однако, новый вопрос: в чем же внутреннее единство двух основополагающих положений о соотношении экономики и политики в марксистско-ленинской философии? Выражаясь другими словами, можно сказать: в чем специфичность сохранения материалистического понимания истории на уровне социально-политического анализа исторической и актуальной действительности?

Наш основной тезис заключается в том, что именно экономически обоснованное первенство политики над экономикой представляет собой форму отражения определяющей роли экономики в отношении политики или применении материалистического понимания истории в объяснении конкретной социальной действительности.

На философском уровне в тезисе об определяющей роли экономики в отношении политики непосредственно отражено материалистическое понимание истории. Здесь же нет смысла говорить о первенстве политики над экономикой, поскольку речь идет о генезисе явлений социального бытия. Максимум, речь может идти и идет об активном обратном воздействии политической надстройки на экономический базис.

Что касается теории среднего уровня, то здесь материалистическое понимание истории, во-первых, не перестает существовать, и во-вторых, ввиду специфичности самого социального развития, оно проявляется в опосредованном виде. Вот почему мы с полным правом можем сказать, что социологическим механизмом перехода от абстрактно философского понимания материалистической сущности истории к объяснению, на той же основе, конкретной социальной действительности является экономически обоснованное первенство политики над экономикой. Ведь в данной формулировке зафиксировано как материалистическое понимание истории (в виде экономической обоснованности политики), так и специфичность социального развития (в виде первенства политики над экономикой, обусловленном политическими потребностями классовой борьбы и государственной власти).

На социологическом уровне рассмотрения указанного соотношения экономически обоснованное первенство политики над экономикой и есть специфическая форма проявления материалистического понимания истории применительно к объектам конкретной социальной действительности. Иначе говоря, на социально-политическом уровне материалистическое понимание истории не проявляется автоматически, а опосредуется через политику, в реальном функционировании приобретающей первенство над экономикой. Как в философском смысле материя первична в отношении сознания, но социальная деятельность осуществляется через сознание, так и в нашем случае определяющий характер экономики в отношении политики в социальном развитии проявляется не иначе, как через первенство политики над экономикой. Это и есть, по существу, диалектическое понимание соотношения двух сторон взаимосвязи экономики и политики. Ведь здесь речь идет не о механическом соединении двух отмеченных сторон взаимодействия, а о диалектической связи. Именно благодаря диалектическому подходу две стороны взаимосвязи политики и эко-

номики рассматриваются в единстве и возникает возможность отразить это единство в трактовке основополагающих положений марксистско-ленинского подхода к проблеме.

При диалектическом анализе соотношения экономики и политики (то есть при анализе перехода одного положения в другое, а не их механическое соединение) создается теоретическая основа для отмежевания, во-первых, от возможности ограничения материалистического понимания истории лишь на абстрактно философском уровне. В последнем случае возникает разрыв между объяснением соотношения политики и экономики на философском и социологическом уровнях. Далее, само положение первенства политики над экономикой может восприниматься как противоречащее или не соответствующее материалистическому пониманию истории. Во-вторых, ставится вопрос о понимании специфики социального развития, который не вытекает прямо из понимания материалистического характера исторического процесса. Иными словами, создаётся основа отрицания как механического сведения материалистического понимания истории к пониманию конкретной социальной действительности, без учета специфики самого социального процесса, так и отрыва философского и социологического анализа соотношения экономики и политики. В интегративном выражении, в реальном социальном процессе материалистическое понимание истории пронизывается тезисом о первенстве политики над экономикой. Этот тезис выражает, по существу, специфический момент материалистического понимания истории при анализе явлений на конкретном социальном уровне.

Таким образом, рассмотрение соотношения политики и экономики на двух уровнях позволяет объяснить внутреннее единство марксова и ленинского положений по данному вопросу. Диалектический подход к соотношению экономики и политики становится теоретическим ключом к рассмотрению и оценке существующих точек зрения по этому вопросу. Можно выделить два главных направления в изучении соотношения экономики и политики. Во-первых, имеет место механическое применение материалистического понимания истории к объяснению реальных процессов социальной действительности и, во-вторых — разрыв между философским и социологическим уровнями анализа данного соотношения. Теоретической основой первого направления служит неучет специфичности социального уровня развития, а второго — абсолютизация этой специфичности, не позволяющая найти связь между философским и социологическим пониманием данного соотношения.

Анализ соотношения политики и экономики на философском и социологическом уровнях и понимание единства двух сторон этого соотношения необходимы, но недостаточны для полного представления взаимосвязи этих социально важных подсистем. Такой анализ должен быть дополнен (или осмыслен) содержательным рассмотрением указанного единства, то есть раскрытием его социальной сущности. Нам представляется, что реализация единства политики и экономики представляет собой механизм социального прогресса. Есть ли объективные основания для такого утверждения? Для этого необходимо, во-первых, раскрыть позитивную роль как экономики, так и политики в социальном развитии и, во-вторых, исследовать негативные аспекты нарушения единства политики и экономики. Экономический рост, или экономическое развитие по своей сути призвано создавать материальную основу целенаправленной социальной деятельности. Но вся проблема заключается в том, что не всякий подобный рост

может стать предпосылкой дальнейшего социального продвижения. Иначе говоря, речь идет о самих путях экономического функционирования и развития. Этих путей, как известно, два—экстенсивность и интенсивность. Каждый из них, по своей сути, объективно обуславливает свой тип развития или роста экономики. В первом случае экономика развивается достаточно обособленно от задачи обеспечения целей социального характера. Это по меньшей мере означает, что экономика не может своевременно и в нужном масштабе удовлетворять все возрастающие социальные потребности. Экстенсивный путь экономического роста не мобилен, не направлен на перспективу, не восприимчив к социальным переменам. В результате всего этого между экономическим и социальным развитием возникает несоответствие. Вот почему обоснован методологический момент в том, что «взаимоотношение «экономический рост» и «социальное развитие» далеко не всегда выступает в линейной форме, где социальное развитие является непосредственной функцией экономического роста»⁵.

Другой тип экономического роста—интенсификация. В этом случае экономика ориентирована на постоянный учет и своевременное удовлетворение насущных социальных потребностей. Восприимчивость к социальным переменам есть характерная черта такой экономики, которая на основе обеспечения единства спроса и предложения становится социально целесообразной, а на основе прогнозирования перспективных социальных требований—нацеленной на ближайшее и отдаленное будущее. Вот почему интенсивно развивающаяся экономика призвана стать реальной предпосылкой социального развития. Именно эта необходимость определения и обеспечения экономического роста, соответствующего социальным целям и потребностям, выдвигает на первый план политику. Иными словами, речь идет о создании и реализации социально выдержанной и социально целесообразной экономики. Это и есть не что иное, как проявление первенства политики над экономикой, так как речь идет о выборе путей дальнейшего экономического роста, наиболее целесообразных с точки зрения социального прогресса.

Таким образом, социально целесообразная экономика создает материальные основы социального развития, а политика—отражает и обеспечивает эту целесообразность. Вот в чем выражается само понятие способа или механизма осуществления социального развития в исследуемом вопросе. Все это и дает основание для утверждения: реальное содержание единства политики и экономики есть социальный прогресс. Выражаясь философским языком, можно сказать, что социальное развитие выступает как цель, экономическое развитие—как средство, а политическое развитие—как субъект деятельности.

Необходимым моментом анализа единства политики и экономики является выяснение нежелательных, негативных сторон нарушения этого единства. Речь идет о теоретическом объяснении переоценки роли политики, имеющей следствием волюнтаризм, и переоценке роли экономики, что, в свою очередь, приводит к пренебрежению роли субъективного фактора в социальном развитии. Действительно, теоретической основой превращения тезиса о первенстве политики над экономикой в волюнтаризм является полный отрыв политики от экономики

⁵ С. Товмасян, А. Экмалян, Социально-экономическая стратегия КПСС и некоторые методологические проблемы развития социалистического общества (ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԿՄԻՍՅԱՆԻ ՀԱՄԱՐՈՎԱԿԱՆ զինուժյունները, 1980, № 12, էջ 13).

как в плане определения актуальных целей развития, так и в плане выбранных средств реализации этих целей. То есть, эти цели в таком случае выступают как экономически совершенно нереальные, а средства, главным образом, приобретают административный, волевой характер. При волюнтаризме в решении данного вопроса сохраняется лишь внешняя целесообразность политических решений к экономическим требованиям социального развития—постановка цели и определение средств реализации. Внешний характер в данном случае проявляется именно в формальном подходе к выработке целей и выбора средств, не проникающих в сущностные аспекты явлений и процессов. Между тем теоретическая возможность и практическая реальность волюнтаризма никак не означают ошибочности самого положения первенства политики над экономикой. Ведь принятие этого положения дает возможность определить те кардинальные факторы, реализация которых становится движущей силой экономического развития и соответственно материально-технической основой достижения интегративных целей общества. На современном этапе исторического развития социалистического общества таким политически определенным фактором экономического роста является обеспечение дальнейшего научно-технического прогресса. И вполне закономерно, что НТП характеризуется как коренной вопрос экономической политики партии. Иными словами, здесь мы имеем дело с экономическим обоснованием тезиса первенства политики над экономикой.

Другой крайностью нарушения единства политики и экономики в трактовке их соотношения является отрицание роли политики в дальнейшем экономическом продвижении на той основе, что политический подход субъективен и ничего общего не имеет с требованиями экономического подхода, основанного на учете объективных законов и закономерностей. При такой установке политический подход фактически отождествляется с субъективистским. На основе правомерного отрицания субъективизма неправомерно отрицается сама роль субъективного фактора в экономическом развитии. Совершенно ясно, что эти два явления—субъективизм и субъективный фактор—далеко не тождественны. Отрицание или сведение к минимуму роли субъективного фактора в экономическом развитии приводит к социально нежелательным последствиям—несвоевременному и неправильному осмыслению общего характера данного исторического момента, в рамках которого осуществляется экономическая деятельность. Более конкретно это выражается в неумении определить тот важнейший фактор, который призван стать локомотивом дальнейшего экономического прогресса. Непризнание роли субъективного фактора в рассматриваемом вопросе приводит к нецелесообразному явлению другого характера—а именно, к признанию лишь сугубо экономического подхода к экономическим проблемам. При этом возникает постулирование разрыва между непосредственными и опосредованными тенденциями развития. Несомненно одно: роль субъективного фактора в экономическом развитии неоспорима и объективна. Отрицание этой роли и есть не что иное, как проявление субъективизма в отношении экономического роста под видом отстаивания объективного характера этого роста. Объективность и необходимость субъективного фактора проявляется как при определении коренных факторов дальнейшего экономического развития самой экономики, так и при реализации целенаправленных мероприятий для этого развития. Имеются в виду, в частности, организационное, идеологическое и кадровое обеспечение экономического роста. Так, новые организационные, идеологические

требования, новые кадры, способные действовать в соответствии с потребностями данного исторического момента, объективно необходимы для претворения в жизнь актуальных и неотложных задач экономического развития нашего общества.

Обобщая сказанное, отметим, что экономически обоснованное первенство политики над экономикой является реальным условием предохранения социального развития как от опасности политического волюнтаризма, так и экономического объективизма. Ведь если политический волюнтаризм необоснованно ускоряет социальное развитие, перешагивая через необходимые исторические ступени этого развития, то экономический объективизм, как антипод первого, необоснованно замедляет ход продвижения вперед. В обоих случаях негативные последствия происходящего одинаковы—накопление нерешенных проблем, нарастание социальной напряженности и ее самые различные проявления.

Как ни парадоксально, крайности сходятся. Казалось бы, субъективизм в политике и объективизм в экономике должны были бы привести к совершенно различным последствиям. Но вместо этого мы имеем дело с однотипным по существу и различным лишь по форме выражения последствием. Не лишено основания предположение, что и в негативных проявлениях политики и экономики отражается внутреннее единство этих социально важнейших явлений. То есть, если в своем положительном единстве политика и экономика объективно обеспечивают социальный прогресс, то их негативное единство—социальный регресс.

Необходимым продолжением исследования вопроса является выявление характерных аспектов социального прогресса, которые в совокупности входят в понятие содержания этого прогресса. Здесь мы остановимся на таких важных направлениях социального развития социалистического общества, какими являются совершенствование национальных отношений, советского образа жизни и социалистической демократии. Вот почему мы ставим своей целью анализ соотношения политики и экономики в связи с развитием этих социально важных сфер социалистической действительности. Это— фактический, социально-политический уровень рассмотрения политики и экономики. На этом уровне проблема их соотношения исследуется именно в аспекте первенства политики над экономикой и экономической обоснованности политики. Здесь же выявляются конкретные негативные проявления нарушения единства политики и экономики.

В методологическом плане наиболее правомерным является рассмотрение единства взаимодействия экономики и политики в каждой отдельной сфере социальной жизни. В национальной структуре советского общества первенство политики над экономикой проявляется как в исторической, так и в актуальной действительности или как в период диктатуры пролетариата, так и в период общенародного государства. В историческом плане первенство политики над экономикой раскрывается в установке приоритета развития единого союзного государства в отношении обособленного экономического роста союзных республик.

На современном этапе первенство политики над экономикой проявляется в создании единого народнохозяйственного комплекса в масштабе всего союзного государства, который является не механической суммой экономического потенциала республик, а управляемым из единого центра целостным экономическим организмом, где экономические достижения союзных республик в первую очередь исполь-

зуются с точки зрения общегосударственных интересов и целей. Другим аспектом первенства политики над экономикой является стремление предотвратить сколь-нибудь серьезное отклонение от намеченного партией курса развития экономики и экономических отношений в республиках. В этом случае политика направлена против проявлений местничества и ведомственности в реализации экономических обязательств. В свою очередь, именно создание единого народнохозяйственного комплекса является той материальной и экономической базой, на основе которой претворяется в жизнь общегосударственная политика в системе национальных отношений нашего общества. Реальность такого комплекса приобретает объективный характер и ставит перед политикой вполне серьезные задачи для своего беспрепятственного функционирования и развития как единого экономического механизма.

В становлении социалистического образа жизни также можно проследить первенство политики над экономикой и в историческом, и в актуальном плане. Фактически до вступления нашего общества в зрелый период своего развития первенство политики над экономикой проявилось в формировании основных принципов развития этого социального феномена. Характерной особенностью советского образа жизни начальных этапов социалистического развития является временная вынужденная экономическая необеспеченность. В период совершенствования социализма в социалистическом образе жизни первенство политики над экономикой сохраняется в виде определения основных путей совершенствования этой социально важной сферы нашей действительности. Но образ жизни общества развитого социализма уже экономически вполне обеспечен. Экономика стала материальной основой реализации собственно социалистических принципов социальной справедливости. Именно то объективное обстоятельство, что на современном этапе социального развития нашего общества функционирует экономически обеспеченный образ жизни, обуславливает возможность и опасность противопоставления его экономических и политических основ. Вот здесь-то и проявляется другая сторона первенства политики над экономикой в виде предотвращения проявлений разных форм деформации социальной справедливости—этого центрального понятия нашей идеологии, характеризующего сущностную сторону социалистического образа жизни.

Аналогичным образом, то есть в историческом и актуальном плане, можно проследить проявление первенства политики над экономикой и экономической обоснованности политики в сфере социалистической демократии. В эпоху диктатуры пролетариата были провозглашены все виды прав человека, но по вполне объективным причинам гарантировались в первую очередь политические права. Для гарантии социально-экономических и личностных прав не всегда существовали материальные возможности. В период общенародного государства создаются все материальные возможности, превращающиеся в экономические гарантии провозглашения новых прав социально-экономического и личностного характера. Но гарантированность прав человека может порождать также негативное явление—нарушение единства прав и обязанностей. Вот почему целью политического подхода к социалистической демократии в этом вопросе становится предотвращение этого недопустимого в нашем обществе социального явления. Новым моментом первенства политики над экономикой в сфере социалистической демократии является право политики на провозглашение совершенно новых прав, являющихся юридическим выражением особенностей социального развития нашей эпохи. Речь идет об

экологическом праве и о праве на мир. Здесь несомненный исследовательский интерес представляет анализ политических, экономических и юридических гарантий этих новых прав человека социально-экономического и социально-политического характера.

Таким образом, анализ соотношения политики и экономики применительно к характерным аспектам современного социального прогресса раскрывает не только внутреннюю сложность этих аспектов, но и позволяет выявить объективные требования, предъявляемые к личностному фактору социальных перемен. Действительно, ведь социальный прогресс реален не только правильным определением его путей и задач, но и готовностью, решимостью его осуществить. Именно здесь срабатывает субъективный фактор прогресса, который нельзя осуществить без новых кадров, без новой личности—этого решающего фактора всех перемен⁶. Вот почему становится настоятельной необходимостью широкое утверждение новых политических, экономических качеств личности. В совокупности это можно выразить понятием политической культуры личности, которая имеет определенную специфику в разных сферах социальной жизни нашего общества. В теоретическом плане политическая культура представляет собой отражение и фиксацию на личностном уровне восприятий социальных идеалов данного общественного строя. Иными словами, целью политической культуры является формирование у личности положительного социального идеала и отмежевание социально неприемлемых ценностей. Применительно к теме нашего исследования можно сказать, что общая политическая культура проявляется в разных формах. Речь идет о культуре межнационального общения, культуре потребления и культуре собственно политической. Анализируя политическую культуру в разных сферах ее проявления, мы получаем параметры личности в разных проекциях. Речь идет о единстве личности как об этническом, социальном и политическом существе. Говоря обобщенно, такой анализ дает нам социальный портрет личности—синтез идеала и реальности нашего общества. И еще. Как переход от философского понимания соотношения экономики и политики к их социологическому пониманию немислим без учета политического фактора, так и переход от определения целей и задач социального развития к их реализации немислим без учета личностного фактора. Вот почему можно сказать, что анализ политической культуры не является механическим приложением к проблематике соотношения политики и экономики. Он является объективно необходимым требованием, обусловленным внутренней логикой исследования данного соотношения. Речь идет о единстве политического, экономического и личностного факторов социального развития.

Таким образом, анализ соотношения экономики и политики выявляет ряд важнейших теоретико-методологических и конкретно-практических положений, учет которых необходим для совершенствования социалистического общества.

⁶ М. С. Горбачев, *Коренной вопрос экономической политики партии*, М., 1985, с. 29.

ԷԿՈՆՈՄԻԿԱ ԵՎ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ,
ՀԱՐԱՐԵՐԱԿՑՈՒԹՅԱՆ ՎԵՐԼՈՒԾՈՒԹՅՈՒՆ

ՇԻՐԱԶ ՄԱՐՏԻՐՈՍՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ո լ մ

Էկոնոմիկայի և քաղաքականության հարաբերակցության ուսումնասիրությունը մարքս-լենինյան փիլիսոփայության կարևոր խնդիրներից է: Այն նպատակ ունի պարզելու նշված հարաբերակցության բովանդակությունը կազմող երկու դրույթների (քաղաքականության պայմանավորվածություն էկոնոմիկայով և էկոնոմիկայի նկատմամբ քաղաքականության առաջնություն) դիալեկտիկական միասնությունը: Դրա համար նախապայման են դառնում փիլիսոփայական և սոցիոլոգիական մոտեցումների կիրառությունները: Կոնկրետ պայմաններում էկոնոմիկայի և քաղաքականության հարաբերակցության լուսաբանման հիմք են սոցիալիզմի կատարելագործման այնպիսի էական բնագավառներ, ինչպիսիք են հասարակության ազգային կառուցվածքը, սոցիալիստական դեմոկրատիան և ապրելակերպը: Սոցիալիստական հասարակության սոցիալական առաջադիմությունը միաժամանակ ապահովվում է ոչ միայն էկոնոմիկայի և քաղաքականության միասնությամբ, այլև մարդկային գործոնով: Ուստի անհրաժեշտություն է դառնում անձնավորության սոցիալական, քաղաքական և էթնիկական որակների պարզաբանումը: